

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.1.92.101>

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА МАКСИМОВКА I ИЗ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ¹

© 2025 г. А.И. Королёв, А.А. Шалапинин, А.А. Выборнов

Работа посвящена публикации результатов радиоуглеродного датирования энеолитических погребений грунтового могильника Максимовка I. На памятнике выделено две культурно-хронологические группы энеолитических захоронений. Первая включает погребения с костяками в положении вытянуто на спине. Вторая – с костяками в положении сидя и полусидя. С второй группой связаны два вторичных погребения. Для могильника Максимовка I получено девять дат, две для погребений первой группы и семь для второй включая вторичное погребение 8. В качестве образцов для радиоуглеродного датирования были отобраны зубы человека и кости животных. Были выявлены значительные расхождения в датах, полученных по этим группам образцов. Более достоверными признаются даты, полученные по резцам сурка и изделиям из костей животных из погребений 1, 8, 35. Результаты датирования подтвердили хронологический приоритет первой группы. Предлагаются скорректированные хронологические рамки выделенных групп погребений. Для первой группы хронологический диапазон намечен в 4353–4274 л.н. (калиброванных) с вероятностью (68%). Вторая группа погребений датируется 3782–3529 л.н. (калиброванных) при той же вероятности. Исследование могильника Максимовка I продолжается, поэтому результаты радиоуглеродного анализа рассматриваются в предварительном плане.

Ключевые слова: археология, грунтовый могильник Максимовка I, Среднее Поволжье, энеолит, радиоуглеродное датирование, хронология, погребальный обряд, стратиграфия.

RADIOCARBON DATES OF THE ENEOLITHIC BURIALS AT THE MAKSIMOVKA I BURIAL GROUND WITHOUT MOUNDS IN THE SAMARA VOLGA REGION²

A.I. Korolev, A.A. Shalapinin, A.A. Vybornov

The work deals with the results of radiocarbon dating of the Eneolithic burials of the Maksimovka I burial ground. Two cultural and chronological groups of Eneolithic burials were identified at the site. The first one includes burials with skeleton in the position stretched out on the back. The second one is with skeletons in a sitting and half-sitting positions. Two secondary burials are associated with the second group. Nine dates were received for the Maksimovka I burial ground, two for the burials of the first group and seven for the second one, including the secondary burial 8. Human teeth and animal bones were selected as samples for radiocarbon dating. Significant discrepancies were found in the dates obtained for these groups of samples. The dates got from marmot incisors and items made of animal bones from burials 1, 8, 35 are recognized more reliable. The dating results confirmed the chronological priority of the first group. The corrected chronological frameworks of the selected burial groups are proposed. For the first group, the chronological limits are set at 4353–4274 BP (calibrated) with a probability of (68%). The second group of burials dates from 3782–3529 BP (calibrated) with the same probability. The investigation of the Maksimovka I burial ground continues, therefore, the results of radiocarbon analysis are considered as tentative.

Keywords: archaeology, Maksimovka I burial ground, Middle Volga region, Eneolithic, radiocarbon dating, chronology, burial rite, stratigraphy

Введение. Одним из приоритетных направлений в изучении культурно-хронологического соотношения энеолитических комплексов Среднего Поволжья является введение в научный оборот результатов радиоуглеродного датирования. Актуальной задачей является

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

² The work was financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-78-10088 "Vectors and dynamics of cultural and historical processes in the Stone Age of the Middle Volga region"

уточнение хронологических рамок недавно открытого энеолитического грунтового могильника Максимовка I. Интерес к данному памятнику обусловлен тем, что здесь выявлены две хронологических группы энеолитических захоронений.

Могильник расположен на окраине села Максимовка Богатовского района Самарской области в левобережье среднего течения р. Самары – левом притоке р. Волги (рис. 1). Памятник занимает пологую возвышенность на краю террасы левого берега реки Съезжей, левом притоке реки Самары. Площадка памятника значительно изменена в ходе хозяйственного освоения территории в прошлом веке.

Могильник был открыт в результате разведочных работ в 2017 г. (Цибин, Шалапинин, 2019, с. 7–8). Его планомерное изучение ведется с 2018 г. (Королев, Шалапинин, 2023а, с. 137–157) и продолжается в настоящее время. Общая площадь раскопов составляет около 450 кв. м.

Материалы исследования. В период 2017–2023 гг. на памятнике выявлено 54 захоронения энеолита, эпохи бронзы и Средневековья. К энеолиту отнесено 23 погребения, которые разделены на две культурно-хронологические группы. В первую включены захоронения с костяками в вытянутом положении. Вторую составили костяки в скорченном положении, выделены также вторичные погребения.

К первой группе относятся погребения 35, 43, 44, из которых погребение 35 является не только наиболее информативным, но и характеризуется рядом исключительных черт. Костяк из этого погребения был ориентирован черепом на северо-восток, лежал в положении вытянуто на животе в яме подовальной формы. В погребении, обильно посыпанным охрой, был обнаружен инвентарь из камня, кости, резцов сурка, изделий из рога, включая наконечники в виде головы животного (Королев, Шалапинин, 2023а, с. 152–153, рис. 10–12). Погребения первой группы находят аналогии в материалах раннего энеолита мариупольского круга памятников Поволжья (Съезжинский могильник на р. Самаре, могильники Липовый Овраг и Екатериновский мыс, расположенные в долине р. Волги) (Васильев, Матвеева, 1979, с. 147–166; Васильев, 1985, с. 3–19; Королев и др., 2020, с. 159–161). Сходство наблюдается в ряде деталей: вытянутое положение костяков

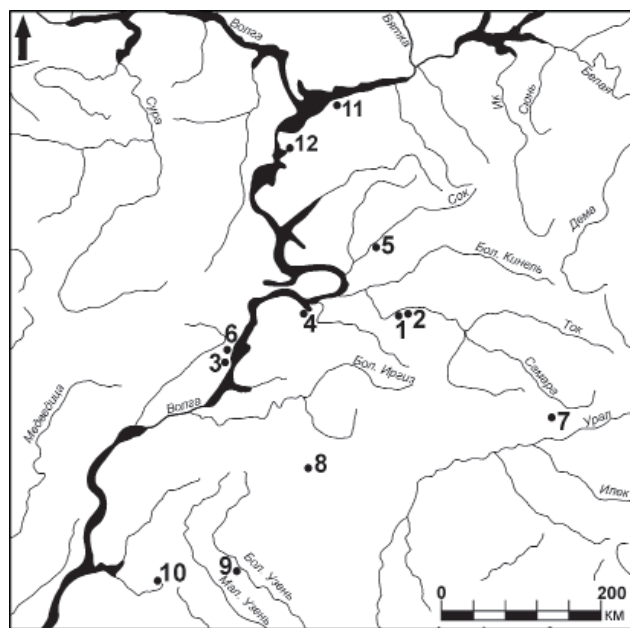

Рис. 1. Энеолитические памятники Среднего и Нижнего Поволжья. 1 – Максимовка I грунтовой могильник; 2 – Съезжинский грунтовой могильник; 3 – Липовый Овраг, грунтовой могильник; 4 – Екатериновский Мыс, грунтовой могильник; 5 – Лебяжинка V, могильник и поселение; 6 – Хвалынские I, II грунтовые могильники; 7 – Кузьминковская стоянка; 8 – Озинки I, стоянка; 9 – Орошаемое, поселение; 10 – Пшеничное, поселение; 11 – Мурзихинский II грунтовой могильник; 12 – Гулькинский II грунтовой могильник.

Fig. 1. Eneolithic monuments of the Middle and Lower Volga region. 1 – Maksimovka I burial ground; 2 – Syezzhaye ground ground without mounds; 3 – Lipovy Ovrage, burial ground without mounds; 4 – Yekaterinovskiy Mys, burial ground without mounds; 5 – Lebyazhinka V, burial ground without mounds and settlement; 6 – Khvalynsk I, II burial grounds without mounds; 7 – Kuzminki campsite; 8 – Ozinki I, campsite; 9 – Oroshayemoe, settlement; 10 – Pshenichnoye, settlement; 11 – Murzikha II burial ground without mounds; 12 – Gulkinsky II burial ground without mounds.

и их ориентировка, окраска охрой, инвентарь, включающий ножевидные пластины, костяные стержни, крупные роговые наконечники с характерной зубчатой нарезкой и одинаковые намеренно разбитые тесла из кремнистого известняка и зеленокаменной породы и др.

Ко второй группе отнесены погребения 1, 3, 9, 16, 17, 18, 26, 27, 32, 34, 38, 41, 45, 48, 51, 53 (Королев, Шалапинин, 2023б, с. 314–327). Для них характерно положение костяка в позе полусидя или сидя с согнутыми вверх коленями ногами и ориентацией головой на восток и северо-восток. Могильные ямы фиксируются не всегда и, в тех случаях, когда они

были отмечены, в основном имели овальные контуры. Зафиксированы коллективные захоронения, включающие двоих-троих индивидов (погребения 1, 16, 27). В погребениях второй группы 18, 26, 38, 41 присутствуют костяки с обожженными черепами. В заполнении могильной ямы одного погребения 27 встречены угольки. Погребальный инвентарь включает резцы сурка, костяные и каменные подвески, мелкий бисер и крупную бусину из окаменелостей (?), раковинные бусы, костяные и раковинные пронизки, наконечники стрел и их фрагменты, кремневые пластины и отщепы, скребки, проколку, абразивные плитки из зернистого камня, кольцо из цветного металла. Отметим также, что в погребении 17 найдены кости зайца, в погребении 41 – кость рыбы. От захоронений второй группы несколько отличается погребение 50, совершенное в положении скорченно на спине (материалы готовятся к публикации). Энеолитических погребений, в том числе с инвентарем, могло быть больше. Разрозненные кости человека, по внешним признакам совпадающие с полученными из погребений энеолита, были найдены в пределах ям XX века. В культурном слое обнаружены предметы, соответствующие вещам из погребального инвентаря.

К энеолиту отнесены вторичные погребения 8, 28 и, возможно, сложенные «пакетом» кости взрослых людей из погребения 44. Наиболее информативным из них является захоронение 8. Оно представляет собой компактно выставленные тремя ярусами в овальной яме черепа и преимущественно длинные кости четырех человек, окрашенные охрой. Инвентарь включал орнаментированное костяное острие, скребки и наконечники стрел из кремня, каменную бусину, резцы сурка, мелкие раковинные бусины (бисер) и пронизки, фрагмент овальной подвески из раковины (Королев, Шалапинин, 2023б, с. 322). Инвентарь этого захоронения совпадает с материалами, обнаруженными в погребениях второй группы со скорченными костяками, и позволяет рассматривать их совместно.

Подтверждением хронологического приоритета вытянутых погребений над скорченными является зафиксированный факт прямой стратиграфии. Погребение 26 с костяком в положении сидя располагалось непосредственно над погребением 35 с костяком в вытянутом положении. Характеристика

погребального обряда и инвентаря погребения 35, как было отмечено выше, совпадает с основными чертами могильников мариупольской культурно-исторической области, что позволило предположить их не только культурную, но и хронологическую близость (Королев, Шалапинин, 2023а, с. 154–155).

В инвентаре погребений 26 и 35 прослежено некоторое сходство (ножевидные пластины с ретушью и без нее, наконечники, резцы сурка). Но есть и существенные различия. Так, в погребении 26 листовидный наконечник отретуширован по обеим поверхностям, а в погребении 35 у черешкового наконечника на пластине ретушью были выделены только острие и насад. Такой наконечник есть в инвентаре погребения 2 могильника Липовый Овраг из правобережного Поволжья (Васильев, 1985, с. 18, рис. 8, 2). В погребении 26 был найден геометрический микролит из зеленого полупрозрачного камня, представляющий собой трапецию с аккуратной краевой ретушью на спинке. Трапеции характерны для памятников неолита, и ее присутствие в погребении позднего энеолита вызывает вопросы. Более обоснованы сомнения в принадлежности резцов сурка к погребению 26. Они имеют яркую окраску охрой, аналогичную по цвету охре из погребения 35, и могли быть вынесены из него землеройными животными. В связи с этим они не были использованы для радиоуглеродного датирования. Учитывая различия в погребальном обряде, можно констатировать расхождение этих погребений и в культурном отношении, и по времени.

Необходимо отметить, что почвенные условия на площадке могильника оказались благоприятными для хорошей сохранности скелетных останков погребенных и погребального костяного инвентаря. Это обстоятельство обеспечило возможность отбора качественных образцов для радиоуглеродного датирования.

В качестве образцов из погребения 35 на радиоуглеродный анализ были отобраны зуб человека и резец сурка. Резцы сурка были найдены в погребении в количестве 367 экз., ими, видимо, была расшита одежда захороненного человека (Королев, Шалапинин, 2023а, с. 151, рис. 10). Достоверность их связи с погребением сомнений не вызывает. Полученные даты имеют следующие значения: зуб человека – 6465 ± 25 л. н. IGAN-9809, резец

сурка – 5480 ± 25 л. н. IGAN-9805 (таблица 1: 1–2). Калибровка радиоуглеродных дат проводилась при помощи программы OxCal 4.4.

Для погребения 26 получена одна дата по зубу человека – 5270 ± 25 л. н. IGAN-9808 (таблица 1: 8).

При сравнении указанных радиоуглеродных дат можно констатировать, что они подтверждают данные стратиграфии, зафиксированные на памятнике, и не противоречат общей последовательности смены вытянутых на спине костяков скорченными, установленной И.Б. Васильевым и другими специалистами для энеолита лесостепного Поволжья (Васильев, 1981; Васильев, Синюк, 1985).

Для погребений второй культурно-хронологической группы было получено еще шесть радиоуглеродных дат.

Образцом для датирования погребения 1 стало находившееся в составе погребально-инвентаря крупное костяное орудие. Оно располагалось между костяками 1 и 2, было изготовлено из трубчатой кости крупного копытного животного и около приостренного конца было снабжено выемкой (Цибин, Шалапинин, 2019, с. 10, рис. 3, 10). Дата имеет значение 4781 ± 40 л. н. Hela-4166.

Четыре даты были выполнены по образцам из погребения 8 (таблица 1: 4–7). Были датированы зубы человека от черепа № 1 и получены следующие результаты: 5466 ± 24 л. н. Hela-4484, 5335 ± 20 л. н. IGAN-7602. Два определения были сделаны по резцам сурка: 4981 ± 23 л. н. Hela-4485 и 4790 ± 20 л. н. IGAN-7603.

Также на радиоуглеродный анализ были отобраны кости зайца из погребения 17, по которым получена дата 3005 ± 20 л. н. IGAN-9804 (таблица 1: 9). Погребение 17 сохранилось частично, но такие признаки, как СВ ориентировка, положение ног коленями вверх, мелкий бисер, аналогичный бисеру из погребения 9, каменные плитки, охра, не оставляют сомнений в его принадлежности к энеолиту (Королев, Шалапинин, 2023а, с. 143). В связи с тем, что полученная дата не соответствует хронологическим рамкам погребений второй группы и в целом энеолиту Среднего Поволжья, она явно омоложена и требует перепроверки.

Анализ. При сравнении дат, полученных по кости животных и кости человека как из позднеэнеолитического погребения 8, так и

из захоронения с вытянутым костяком 35, наблюдается тенденция удревнения радиоуглеродных дат по кости человека. И если для комплекса позднего энеолита разница составляет примерно 480–550 лет, то для погребения 35 она составляет около тысячелетия. В литературе неоднократно указывалось на разрыв датировок, полученных для кости человека и животных из энеолитических погребений степного и лесостепного Поволжья. Так, даты по кости человека из захоронения 12 могильника и поселения Лебяжинка V из Сокского бассейна имеют значения 6510 ± 80 л. н. Ki-7661 (Васильев, Овчинникова, 2000, с. 220) и 6595 ± 40 л. н. GrA-64048. В то время как резец сурка из указанного комплекса имеет возраст 5865 ± 40 л. н. GrA-64051 (Шишлина и др., 2017, с. 199). Аналогичная картина наблюдается при сравнении радиоуглеродных дат I и II Хвалынского могильников, расположенных на правом берегу р. Волги (Anthony et al., 2022, р. 31–32; Шишлина, 2023, с. 125). Особенно явно различия в датировках по кости человека и животного заметны для погребения 147 Хвалынского I могильника и погребения 10 Хвалынского II могильника. Для первого комплекса даты по кости человека – 5845 ± 25 л. н. PSUAMS-2886 (Anthony et al., 2022, р. 31), а для кольца из кости овцы – 5565 ± 40 л. н. GrA-29178 (Шишлина и др., 2006, с. 139). Для второго комплекса кость человека датируется 6150 ± 25 л. н. PSUAMS-4149 (Anthony et al., 2022, р. 31), 5790 ± 85 л. н. OxA-4311 (Шишлина и др., 2006, с. 138), а кость коровы – 5570 ± 40 л. н. GrA-34100 (Anthony et al., 2022, р. 31). Удревнение дат по кости человека можно объяснить влиянием неоднократно описанного в литературе резервуарного эффекта (Шишлина и др., 2006; Зазовская, 2016, с. 155). Более сложная ситуация наблюдается с датировками Съезжинского могильника, расположенного в бассейне р. Самары. Одна дата по кости человека – 5925 ± 25 л. н. PSUAMS-8842 – совпадает с определением по гарпуну из жертвенной площадки – 5914 ± 40 л. н. GV-3926, а другая имеет ранее значение – 6520 ± 30 л. н. PSUAMS-8843 (Выборнов и др., 2023, с. 216). Таким образом, при установлении хронологических позиций энеолитических комплексов Максимовского I могильника более предпочтительными являются радиоуглеродные определения, полученные по костным останкам животных (резцы

Таблица 1. Радиоуглеродные даты по неолитическим погребениям грунтового могильника Максимовка I.
Table 1. Radiocarbon dates for Eneolithic burials of the Maksimovka I burial ground without mounds.

№	Объект	Образец	Материал	Coll., %	C/N _{at}	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	Шифр лаборатории	Возраст ^{14}C	
									BP	calBC
1	Погребение №35	резец сурка	коллаген	10,10	3,31	5,04	-20,90	IGAN – 9805	5480 ± 25	95.4% probability; 4433(0.5%) 4430; 4361(67.5%) 4321; 4294(27.5%) 4258; 68.3%; probability; 4353(59.1%) 4329; 4281(9.1%) 4274
2	Погребение №35	зуб человека	коллаген	10,53	3,5	15,29	-21,35	IGAN – 9809	6465 ± 25	95.4% probability; 5479(95.4%) 5374; 68.3%; probability; 5473(3.5%) 5470; 5437(64.8%) 5386
3	Погребение №1	костяное орудие	коллаген	-	-	-	-	Hela – 4166	4781 ± 40	95.4% probability; 3644(89.8%) 3511; 3427(3.1%) 3407; 3399(2.5%) 3383; 68.3%; probability; 3633(21.2%) 3605; 3587(47.1%) 3529
4	Погребение №8	зуб человека	коллаген	38,2	3,2	12,9	-23,6	Hela – 4484	5466 ± 24	95.4% probability; 4356(53.0%) 4318; 4296(42.5%) 4256; 68.3%; probability; 4347(40.9%) 4327; 4286(27.4%) 4268
5	Погребение №8	Резец сурка	коллаген	36,4	3,2	6,6	-20,8	Hela – 4485	4981 ± 23	95.4% probability; 3900(3.6%) 3879; 3801(79.8%) 3698; 3686(12.0%) 3654; 68.3%; probability; 3782(68.3%) 3709
6	Погребение №8	Зуб человека	коллаген	6,14	3,17	11,35	-23,29	IGAN – 7602	5335 ± 20	95.4% probability; 4313(2.1%) 4302; 4251(47.0%) 4157; 4138(46.3%) 4053; 68.3%; probability; 4241(11.8%) 4225; 4199(23.2%) 4165; 4128(10.0%) 4112; 4099(23.3%) 4066
7	Погребение №8	Резец сурка	коллаген	3,28	3,21	6,31	-20,42	IGAN – 7603	4790 ± 20	95.4% probability; 3637(95.4%) 3528; 68.3%; probability; 3634(12.5%) 3623; 3581(55.8%) 3532
8	Погребение №26	Зуб человека	коллаген	15,18	3,30	14,41	-23,75	IGAN – 9808	5270 ± 25	95.4% probability; 4230(18.8%) 4194; 4170(62.1%) 4038; 4024(14.6%) 3990; 68.3%; probability; 4223(15.2%) 4200; 4164 (26.1%) 4129; 4109(3.7%) 4101; 4062(13.2%) 4042; 4015(10.0%) 3997
9	Погребение №17	Кости зайца	коллаген	11,71	3,14	2,45	-21,75	IGAN – 9804	3005 ± 20	95.4% probability; 1377(7.6%) 1350; 1302(82.1%) 1194; 1175(2.8%) 1161; 1144(3.0%) 1130; 68.3%; probability; 1281(68.3%) 1213

сурка из погребений 8 и 35, костяное орудие из погребения 1).

Среди имеющихся дат по комплексам мариупольского типа лесостепного Поволжья датировка погребения 35 (5480 ± 25 л. н. IGAN-9805) является наиболее поздней. Выше отмечалась близость материалов погребений с вытянутыми костяками Максимовского I, Съезжинского могильников и Екатериновского мыса из лесостепного Поволжья, которые объединяются совокупностью общих черт. Но дата для могильника у с. Съезжее, выполненная по кости животного, значительно древнее – 5914 ± 40 л. н. GV-3926 (Выборнов и др., 2023, с. 216). Даты, полученные по костям животных из могильника Екатериновский мыс, также существенно более ранние – 5680 ± 20 л. н. PSUAMS-4568, 5745 ± 30 л. н. PSUAMS-8218, 5750 ± 25 л. н. PSUAMS-8194, 6025 ± 40 л. н. PSUAMS-8195 (Anthony et al., 2022, р. 49). Близость погребения 35 Максимовского I могильника погребениям могильника Екатериновский мыс, помимо совпадающего погребального обряда, аналогичного вплоть до деталей приема разбиения зеленокаменных тесел, ряда категорий инвентаря, подчеркивается крупным зооморфным железом из рога с зубчатой нарезкой. В связи с этим полученная дата выглядит несколько омоложенной и желательна ее верификация. Впрочем, нельзя полностью исключать того, что отмеченные проявления погребального обряда и инвентаря могли иметь длительную историю и анализируемая дата по погребению 35 Максимовского I могильника демонстрирует верхнюю хронологическую границу существования памятников мариупольского типа в регионе.

В связи с обсуждаемой датой для погребения 35 отметим также более раннюю дату для Кузьминковской стоянки, расположенной на р. Иртек – притоке р. Урал – 5630 ± 70 л. н. Ki-15066, правда выполненную по керамике (Моргунова и др., 2010, с. 23; Моргунова, 2011, с. 131). В целом материалы Кузьминковской стоянки слабо сопоставимы с инвентарем вытянутых костяков Максимовки I. В могильнике не выявлены связанные с ними жертвенные площадки с керамикой, что снижает возможности проведения сравнительного анализа. Сходство комплексов в каменном инвентаре ограничивается его пластинчатым характером. Однако полностью ретуширо-

ванные наконечники стрел Кузьминковской стоянки отличаются от наконечника погребения 35 (Моргунова, 1986, с. 34, рис. 6: 12–13). Они скорее близки наконечникам из позднеэнеолитических погребений.

Даты для погребений второй группы Максимовского I могильника входят в намеченный предыдущими исследованиями хронологический диапазон позднего энеолита лесостепного Поволжья (Королев, Шалапинин, 2014, с. 272–273). Отметим здесь некоторые различия в результатах датирования однородных материалов из одного погребения, выполненных в разных лабораториях. Даты, полученные по зубам одного индивида из погребения 8, различаются примерно на 130 лет, а даты по резцам сурка из этого же погребения разошлись во времени почти на 200 лет. При этом более поздними оказались даты, полученные в лаборатории IGAN. Если поправка на более ранний возраст подтвердится, то можно предположить и аналогичное удревнение для погребения 35. В этом случае его хронология совпадет с датами Екатериновского мыса.

Определенным индикатором для выявления хронологического положения погребений второй группы могут служить наконечники с усеченным прямым или выемчатым основанием. Так, в Нижнем Поволжье они встречаются в комплексах прикаспийской (стоянки Озинки I, расположенной в долине р. Б. Чалыклы, поселения Орошаемое, локализующегося в бассейне р. Б. Узени, и др.) и алтатинской (поселение Пшеничное, расположенное на р. Торгун, и др.) культур (Юдин, 2012, с. 158, 199). Однако даты по прикаспийским материалам имеют более ранние значения (Vybornov et al., 2022, р. 11). Определения по ^{14}C , полученные по керамике для алтатинских памятников (Алтата – 5120 ± 70 л. н. Ki-16493, Пшеничное – 5240 ± 80 л. н. Ki-16532) (Моргунова, 2011, с. 132), совпадают с датами, полученными по кости человека Максимовского I могильника (Королев, Шалапинин, 2014, с. 268).

Полученные радиоуглеродные даты позволяют обратиться к вопросу о хронологическом соотношении Максимовского I и Мурзинского II могильников. Сопоставление материалов памятников привело авторов к выводу об их культурной близости (Королев, Шалапинин, 2023б, с. 324). Сходство погребений второй группы с энеолитическими захоронениями Мурзинского II могильника,

расположенного в приустьевой части долины Камы, проявляется в наличии индивидуальных и коллективных погребений, положении костяков сидя или полусидя, восточном секторе ориентировок. Совпадают многие категории инвентаря: украшения из раковин, кости и камня, ножевидные пластины, металлические изделия. Полными аналогами являются костяная подвеска с зубчатыми краями, костяное острие с зигзагообразным орнаментом, листовидные наконечники с прямым основанием, каменные и костяные подвески, раковинные бусы и бисер (Чижевский, 2008, с. 367–371; Чижевский, Шипилов, 2021, с. 149–153). Таким образом, материалы могильников показывают их близость в обряде погребения и погребальном инвентаре, вплоть до полных аналогов. Однако данные о радиоуглеродном возрасте могильников существенно различаются. Отметим, что только две ранние даты, полученные по кости человека из погребения 8 могильника Максимовка I, согласуются с наиболее поздними данными по абсолютной хронологии Мурзихинского II могильника – 5470 ± 80 л. н. ГИН-9432, 5390 ± 60 л. н. ГИН-10039. Его остальные даты имеют более ранние значения (Чижевский, Шипилов, 2021, с. 163). Казалось бы, датирование могильников оставляет возможность выделения двух этапов, первый из которых представлен материалами Мурзихинского II, а второй – Максимовского I могильников. В этом случае есть возможность использовать единые по происхождению даты – по кости человека. Однако представляется, что ранние радиоуглеродные определения Мурзихинского II могильника вступают в некоторые противоречия с имеющимися данными. В качестве источника распространения в Среднем Поволжье скорченного обряда погребения в положении сидя и полусидя исследователями рассматривается Хвалынский I могильник из степного Поволжья (Чижевский, Шипилов, 2018, с. 81). Но полученные для хвалынских могильников даты с поправкой на «резервуарный эффект» оказались моложе основного массива дат Мурзихинского II могильника. Кроме этого, в погребениях могильниках Усть-Камья, Мурзихинского II и Гулькинского были найдены керамические сосуды борского обли-

ка (Чижевский, Шипилов, 2018, с. 83). Имеющиеся радиоуглеродные даты для борских материалов значительно более поздние и показывают наличие большого промежутка времени, разделяющего их и Мурзихинский II могильник (Мельничук, 2021, с. 193). Отметим также, что значительное расхождение в датировках могильников Мурзихинского II и Максимовки I вызывает вопросы относительно отмеченной близости их погребального обряда и инвентаря. В качестве образцов для датирования мурзихинских погребений послужили костные останки человека. Представляется, что при определении хронологии Мурзихинского II могильника также следует учитывать возможную поправку на «резервуарный эффект» и определенным ориентиром здесь может выступать могильник Максимовка I.

Необходимо отметить, что в данной работе предпринята попытка разработки хронологии энеолитических комплексов могильника Максимовка I на основании пока немногих ^{14}C дат на современном этапе исследований памятника.

Заключение. Новые данные существенно пополняют источниковую базу по хронологии погребальных памятников энеолита Среднего Поволжья. Радиоуглеродному датированию были подвергнуты две культурно-хронологические группы энеолитического грунтового могильника Максимовка I. В связи с тем, что оно проводилось по различным материалам, удалось выявить разницу в датах по кости человека и костям животных. Это обстоятельство позволило предложить скорректированные хронологические рамки выделенных групп погребений в сторону сужения их временного диапазона. Наиболее приемлемыми на данном этапе исследования представляются радиоуглеродные даты, полученные по резцам сурка и костным останкам животных. Для первой хронологической группы календарный возраст с вероятностью 1σ (68%) может быть намечен в 4353–4274 л. н. в калиброванном значении. Вторая группа погребений датируется с вероятностью 1σ (68%) 3782–3529 л. н. (калиброванных). Уточнение хронологии могильника будет продолжено по мере его исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: КГПИ, 1981. 129 с.
- Васильев И.Б.* Могильник мариупольского времени в Липовом Овраге на севере Саратовской области // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1985. С. 3–19.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И.* Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. 1979. № 4. С. 147–166.
- Васильев И.Б., Овчинникова Н.В.* Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. П.С. Кабытов. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 216–277.
- Васильев И.Б., Синюк А.Т.* Энеолит Восточно-Европейской лесостепи (вопросы происхождения и периодизации культур). Куйбышев: КГПИ, 1985. 118 с.
- Выборнов А.А., Королев А.И., Кулькова М.А., Моргунова Н.Л., Пархомчук Е.В., Шалапинин А.А.* Радиоуглеродная хронология могильника у с. Съезжее // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 212–220.
- Зазовская Э.П.* Радиоуглеродное датирование – современное состояние, проблемы, перспективы развития и использование в археологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. №1 (32). С. 151–164.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Могильник Екатериновский мыс как источник изучения энеолита Восточной Европы // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т.1 / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 159–161.
- Королев А.И., Шалапинин А.А.* К вопросу о хронологии и периодизации энеолита степного и лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Том 16. №3. С. 266–275.
- Королев А.И., Шалапинин А.А.* Грунтовый могильник и селище Максимовка I в лесостепном Поволжье (результаты исследований в 2020 г.) // Прочнее меди. Сборник статей к 80-летию В. А. Дергачева / Отв. ред. Л.В. Дергачева. Кишинэу: Stratum Plus, 2023а. С.137–157.
- Королев А.И., Шалапинин А.А.* Скорченные погребения грунтового могильника Максимовка I эпохи энеолита // Археология Евразийских степей. 2023б. № 1. С. 314–327.
- Мельничук А.Ф.* Памятники борского типа в Верхнем Прикамье // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Камья. Т. 2. / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; Отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 187–194.
- Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА. 2010. №4. С. 18–27.
- Моргунова Н.Л.* Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.
- Моргунова Н.Л.* Кузьминковская стоянка эпохи энеолита в Оренбургской области // Древние культуры Северного Прикаспия/ Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев, 1986. С. 31–36.
- Цибин В.А., Шалапинин А.А.* Погребение эпохи энеолита грунтового могильника Максимовка I из Самарского Заволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т.24. №3. С. 6–16.
- Чижевский А.А.* Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 367–371.
- Чижевский А.А., Шипилов А.В.* Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И.Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б.Васильева. / ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 80–84.
- Чижевский А.А., Шипилов А.В.* Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Камья. Т. 2 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; Отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 140–163.
- Шишлина Н.И.* Хвалынский I энеолитический могильник: новые радиоуглеродные даты // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 10 / Отв. ред. М.А. Турецкий, В.Н. Мышкин. Самара: СГСПУ, 2023. С. 123–129.
- Шишлина Н.И., ван дер Плихт Й., Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Чичагова О.А.* К вопросу о радиоуглеродном возрасте энеолитических культур Евразийской степи // Вопросы археологии Повол-

жя. Вып. 4 / Ред. И.Н. Васильева, М.А. Турецкий, П.В. Кузнецов, С.В. Кузьминых, Н.П. Салугина. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 135–140.

Шишлина Н.И., Турецкий М.А., ван дер Плихт Й. Радиоуглеродное датирование образцов из могильника Лебяжинка V эпохи энеолита: верификация и интерпретация данных // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19. № 3. С. 196–202.

Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов: Научная книга, 2012. 213 с.

Antony D.W., Khokhlov A.A., Agapov S.A., Agapov D.S., Schulting R., Olalde I., Reich D. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River // *Præhistorische Zeitschrift*. 2022. Vol. 97(1). Pp. 22–67.

Vybornov A.A., Gilijazov F.F., Doga N.S., Kulkova M.A., Philippsen B. The chronology of neolithic-eneolithic in the steppe zone of the Volga basin // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т.27. №3. С. 6–15.

Информация об авторах:

Королев Аркадий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); arkorolev@gmail.com

Шалапинин Антон Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); anton-shalapinin@ro.ru

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

REFERENCES

Vasiliev, I. B. 1981. *Eneolit Povolzh'ya (step' i lesostep')* (*Eneolithic of the Volga region (steppe and forest-steppe)*). Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute. (in Russian)

Vasiliev, I. B. 1985. In Matveeva, G. I. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State University, 3–19 (in Russian)

Vasiliev, I. B., Matveyeva, G. I. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 147–166 (in Russian)

Vasiliev, I. B., Ovchinnikova, N. V. 2000. In Kabytov, P. S. (ed.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 216–277 (in Russian).

Vasiliev, I. B., Siniuk, A. T. 1985. *Eneolit Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (voprosy proiskhozhdeniia i periodizatsii kul'tur)* (*Eneolithic of the East European Forest-Steppe (Issues of the Origin and Periodization of Cultures)*). Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Vybornov, A. A., Korolev, A. I., Kulkova, M. A., Morgunova, N. L., Parkhomchuk, E. V., Shalapinin, A. A. 2023. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 212–220 (in Russian)

Zazovskaya, E. P. 2016. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 32 (1), 151–164 (in Russian)

Korolev, A.I., Kochkina, A.F., Stashenkov, D.A. 2020. In Derevianko, A. P., Makarov N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress at Samara)* Vol. I. Samara: Samara State Pedagogical University, 159–161 (in Russian).

Korolev, A. I., Shalapinin, A. A. 2014. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* Vol. 16, no 3, 266–275 (in Russian)

Korolev, A.I., Shalapinin, A.A. 2023a. In Dergacheva, L.V. (ed.). *Prochnee medi. Sbornik statey k 80-letiyu V. A. Dergacheva (Aere Perennius. More Lasting Than Bronze. Essays in honour of Valentin Dergachev on the occasion of his 80th birthday)*. Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 137–157 (in Russian)

Korolev, A. I., Shalapinin, A. A. 2023b. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 314–327 (in Russian)

Melnichuk, A. F. 2021. In Sitdikov, A.G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 187–194 (in Russian).

Morgunova, N. L., Vybornov, A. A., Kovalyukh, N. N., Skripkin, V. V. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 18–27 (in Russian).

Morgunova, N. L. 2011. *Eneolit Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ia (Eneolithic between the Volga and the Ural Rivers)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Morgunova, N. L. 1986. In Merpert, N. Ya. (ed.) *Drevnie kul'tury Severnogo Prikaspiya (Ancient cultures of the Northern Caspian region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 31–36 (in Russian).

Tsibin, V. A., Shalapinin, A. A. 2019. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. Seriya 4. History. Area Studies. International Relations)* 3 (24), 6–16 (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2008. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo sezda v Suzdale (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal)* I. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 367–371 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Shipilov, A. V. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: “Samara State University of Social Sciences and Education”, “Porto-Print” Publ., 80–84 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Shipilov, A. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 140–163 (in Russian).

Shishlina, N. I. 2023. In Turetskiy, M. A., Myshkin, V. N. (eds.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 10. Samara: Samara State Pedagogical University, 123–129 (in Russian).

Shishlina, N. I., van der Plicht, J., Zazovskaya, E. P., Sevastyanov, V. S., Chichagova, O. A. 2006. In Vasilyeva, I. N., Turetsky, M. A., Kuznetsov, P. V., Kuzminykh, S. V., Salugina, N. P. (eds.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 4. Samara: “Nauchno-tekhnicheskiiy tsentr” Publ., 135–140 (in Russian).

Shishlina, N. I., Turetsky, M. A., van der Plicht, J. 2017. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* Vol. 19, no. 3, 196–202 (in Russian).

Yudin, A. I. 2012. *Poselenie Kumyska i eneolit stepnogo Povolzh'ia (Kumyska Settlement and the Eneolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: “Nauchnaya kniga” Publ. (in Russian).

Antony, D. W., Khokhlov, A. A., Agapov, S. A., Agapov, D. S., Schulting, R., Olalde, I., Reich, D. 2022. In *Praehistorische Zeitschrift* 97 (1), 22–67.

Vybornov, A. A., Giliyazov, F. F., Doga, N. S., Kulkova, M. A., Philippsen, B. 2022. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. Seriya 4. History. Area Studies. International Relations)* 3 (27), 6–15 (in Russian).

About the Authors:

Korolev Arkady I., Candidate of Historical Sciences. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Samara Region, Russian Federation; arkorolev@gmail.com.

Shalapinin Anton A., Candidate of Historical Sciences. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Samara Region, Russian Federation; anton-shalapinin@ro.ru

Vybornov Alexander A., Doctor of Historical Sciences. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Samara Region, Russian Federation; vibornov_kin@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2024 г.

Статья принята к публикации 01.02.2025 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу